

6. Мышкин В. С. Правовое регулирование местного самоуправления в субъектах РФ: На примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // Чиновник. 2007. № 1 // <http://law.edu.ru/magazine/document.asp?magID=7&magNum=1&magYear=2007&articleID=1264460>.

7. См.: Ивкин С., Задорожный А. Каждой матрешке по поварешке // «Эксперт-Урал» № 25 (152). 2004. 5 июля.

Зинаида Тихоновна ГОЛЕНКОВА —
профессор кафедры социологии,
доктор философских наук
golenko@isras.ru;

Александр Евгеньевич ЕРЕМЕЕВ —
ассистент кафедры социологии -
eremeev_ae@mail.ru

Российский университет дружбы народов
(г. Москва)

УДК 911(4/5)

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

EURASIANISM AS GEOGRAPHICAL IDEOLOGY

АННОТАЦИЯ. В условиях современной российской действительности возобновился интерес к идейному наследию евразийцев. В данной статье автор рассматривает географическую составляющую евразийской доктрины, апеллируя к основателям данного идейно-политического течения.

SUMMARY. Under the circumstances of the contemporary Russian reality there is a growing interest to Eurasian ideological heritage. The author touches upon a geographical component of Eurasian doctrine, making reference to its conceptual and political founders.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Евразийство, идеология, география.

KEY WORDS. Eurasianism, ideology, geography.

Начиная с XIX в., большинство русских интеллигентов, философов, писателей размышляли о трудностях во взаимоотношениях России и Европы и о глубинных, но неоднозначных связях России с Азией и Востоком. Учение евразийцев является уникальным направлением в русской мысли, определявшимся тем, что оно предлагало новый вариант идеи русской самобытности, пересматривая привычные критерии в определении этого понятия. Впервые выносятся на обсуждение понятие «русской непохожести», которое обычно ограничивалось неприятием Запада.

Россия в изгнании осуществила довольно плодотворное соединение русского наследия начала XX в. с идеологическими течениями, которые будоражили Запад. Русская эмиграция была эмиграцией политической, но в ней абсолютно отсутствовало единство, а существовали многообразные течения, мнения. Деятельность эмиграции выражалась главным образом в словах, она породила разнообразные периодические издания и бурную политическую жизнь. Размышления сосредотачивались на прошлом России, на ее отношении к религии. В 1920-е гг. обсуждались причины революционных событий, интерпретировались их последствия, и эти проблемы живо интересовали евразийцев. В теоретическом плане евразийство продолжало научную традицию дореволюционной России — молодые евразийцы, блестящие интеллектуалы, демонстрировали высокий уровень университетского образования. В идеологическом плане евразийство доводило до конца идею особой миссии эмиграции,

открывало Россию ей самой и находило выражение для окончательного оформления идеи русской индивидуальности, соединяя православие и размышления о национальной истории, революции и отношении к Европе.

Евразийцы взяли на вооружение многие идеи, высказывавшиеся в университетских кругах в конце XVIII века. Однако возникновение евразийства было возможно только под воздействием революционного потрясения и последующего изгнания. Евразийское движение было коротко во временном отношении, но его история оказалась блестящей и бурной. Это движение смогло объединить вокруг себя высокообразованных интеллектуалов, интересы и специализация которых были различны: экономическая география (П.Н. Савицкий), этнография (Н.С. Трубецкой), языкознание (Р.О. Якобсон), философия (Л.П. Карсавин), история (Г.В. Вернадский, М.В. Шахматов), религия (Г.В. Флоровский), востоковедение (В.П. Никитин). Все они в разной степени принимали участие в построении евразийства, но выступали также как специалисты, выражающие себя в других областях. Только П.Н. Савицкий полностью посвятил жизнь и творчество евразийству. Р.О. Якобсон и Н.С. Трубецкой основали фонологию и Пражский лингвистический кружок, Л.П. Карсавин получил известность как медиевист и философ, Г.В. Вернадский занял особое место в американских исследованиях России. Несмотря на различия между ними, совокупность интеллектуальной деятельности всех этих мыслителей, когда они выступали как евразийцы, составляла одно логическое единство, а не разрозненное скопление знаний. Большинство евразийцев, принадлежащих к поколению 1880-1890 гг., сформировались как личности в России, в Санкт-Петербурге (кроме Трубецкого), в академической либеральной среде.

Любое государство определяется территорией, на которую распространяется его власть. Евразийцы считали, что существует органическая связь между географической территорией, спецификой развития каждой культуры, и народами, живущими на этой территории. Основной геополитический тезис евразийцев заключается в том, что Россия есть не Европа и не Азия, и, следовательно, нет европейской и азиатской России, а есть части, лежащие к западу и к востоку от Урала, а также к западу и востоку от Енисея: «Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир. Чем же этот мир отличается от Европы и Азии? Западные, южные и юго-восточные окраины старого материка отличаются как значительной изрезанностью своих побережий, так и разнообразием форм рельефа» [1; 678].

Русское евразийство стало обозначать термином «Евразия» не европейско-азиатское единство, а срединное пространство как особый географический и исторический мир, который отделяем как от Европы, так и от Азии. По мнению евразийцев, Евразия должна быть структурной целостностью, объясняемой через саму эту целостность, через ее внутренние составляющие, а не через взаимодействие с внешней средой. П.Н. Савицкий стал, таким образом, первооткрывателем структурной географии. Единство Евразии заключалось не в существовании одного и того же климата или пространства, а в системном характере, в регулярности территории. Однако не все евразийцы согласны определять Евразию как третий континент. Так, Г.В. Вернадский описывал Евразию как пространство, «обнимающее собою восточную часть Европы и северную часть Азии» [2].

В климатическом отношении рассматриваемая область отличается как от Европы, так и от собственно Азии целым рядом признаков, которые можно объединить выражением «континентальность климата». Внутреннее географическое строение данной области определено как система великих низменностей и равнин — беломорско-кавказской, западно-сибирской и туркестанской.

В направлении широты пространство Евразии можно разделить на длинные параллельные полосы («зоны»), тянущиеся с запада на восток: 1) безлесная

тундра, тянущаяся вдоль побережья Ледовитого океана; 2) лесная зона — от Южных Карпат по линии городов Киев, Казань, Тюмень, а оттуда — к Алтаю и вдоль северных границ монгольских степей и пустынь; 3) степная зона — к югу от границы лесов; 4) зона безлесных пустынь аралокаспийских и монгольских. Эти пояса неравноценны по роли, которую евразийцы отводили им в построении Евразии. Так, степная полоса — это геополитическое тело России, ее первоначало. Область пустынь играет большую роль в истории Евразии, в значительной мере обуславливая собою направление движений кочевых племен Евразии. В меридиональном направлении вся эта система четырех полос пересекается системами больших рек. В этом пересечении горизонтальных поясов с вертикальными равнинами, в соединении поперечного и продольного принципов и рождалось почти геометрическое тело Евразии.

По мнению евразийцев, растительные зоны России-Евразии образуют особую систему, которую они называли периодической, т.е. циклической, где все данные соприкасаются друг с другом. Так, изменение температур при движении с севера на юг симметрично изменению влажности в направлении с запада на восток. Евразия представляет собой единственную страну, располагающую таким совпадением между климатом, почвой, растительностью, фауной и флорой.

Евразийцы считали, что существует соответствие между природными и социально-культурными явлениями. П.Н. Савицкий отмечал существующее совпадение между картой диалектальных изоглоссов русского языка и картой расположения изотерм климата России, а также совпадение границы распространения украинского и великорусского говоров с границей, разделяющей зоны овцеводства и свиноводства — два показателя, позволяющие четко, географически, установить реально существующую культурную границу с Европой. Евразия также располагает и другими четко выраженными и уникальными географическими особенностями: реки текут с севера на юг или с юга на север, но ни одна из них не располагается в горизонтальном направлении. Путь сообщения между востоком и западом один, а путей сообщения между севером и югом несколько. С точки зрения исторической задачи государственного объединения Евразии вытекает следующий важный факт: «всякий народ, овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной части Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, так как, господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом. Итак, объединить всю Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи» [3; 156].

Таким образом, «Государственное объединение Евразии было с самого начала исторической необходимостью. Но в то же время сама природа Евразии указывала и на способ этого объединения. С точки зрения древнейших времен путями сообщения могли служить только реки и степи: горы и леса с этой точки зрения были неудобны, а тундра вообще не может идти в расчет как область слишком неблагоприятная для развития какой бы то ни было человеческой деятельности» [3; 158].

Отличительной особенностью Евразии является также равнинный рельеф, тектонические формы которого почти неразличимы. Евразийцы не считали Урал границей, потому что его пересекают все те же горизонтальные пояса, тянущиеся по обе стороны от него. Урал скорее соединяет, чем разграничивает. Природные границы России являются одновременно и границами Евразии, т.е. существуют границы «ложные» — Урал и «истинные» — граница, разделяющая Европу и Евразию.

Первоначально на территории Евразии находились государства речные, с оседлым бытовым укладом и степные племена, в бытовом отношении кочевнические, борьба между которыми проходит красной нитью через всю древнейшую

историю не только Киевской Руси, но и других государств Евразии — царства Хазарского и Хорезма. Затем положение резко изменилось, когда Чингисхан подчинил себе все кочевые племена евразийских степей и превратил в кочевническое государство с прочной военной организацией. Все государства утратили свою самостоятельность и перешли в подчинение владыке степей. Таким образом, Чингисхан выполнил историческую задачу, объединив под своей властью степь, а через степь и всю остальную Евразию. И поэтому, определив историческую сущность русского государства как государства, распространяющегося почти на всю территорию Евразии, евразийцы обозначили это государство как основное ядро монархии Чингисхана.

Основу Евразии для евразийцев составляла степь, придавала ей центральное геополитическое положение и делала ее точкой пересечения культур. Оседлый образ жизни, особенно городской, порицался евразийцами, поскольку в городе плохие условия для здоровья. По сравнению с миром оседлости — раблепного, основанного на страхе и материальном благосостоянии — туранская психика отличается храбростью, силой, мужественностью: «Оседлые народы в большинстве своем состоят из людей рабской психологии» [4]. Человек степи обладал совершенно другими качествами и психологией по сравнению с миром оседлости. Например, смелость «есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романогерманцам, ни славянам» [5]. Для евразийцев кочевничество проявлялось, главным образом, в истории человечества благодаря почти сверхчеловеческой военной доблести: «Ни одна историческая среда не может, пожалуй, дать такого подбора образцов военной годности и доблести, какие дает кочевой мир» [6].

Территория влияет на события и на людей, изменяет их, придает им смысл и, что имеет большое значение, соединяет между собой элементы разного происхождения, т.е. противоположности. Если географическая среда навязывает некоторые черты характера, то это не имеет отношения ни к биологии, ни к генетике — непрерывность горизонтальна, пространственна, а не вертикальна и временна, свойства приобретаются, а не являются врожденными. Здесь, безусловно, просматривается некий географический детерминизм евразийцев, но он призван не возвеличить территориальный фактор над другими, а доказать существование родственных связей между различными нациями и их представлениями о своем «месте» в мире, о своей судьбе, своем предназначении. Территория, влияя на населяющих ее людей, преображаясь сама под их воздействием, сплетает их вместе, создавая общность судьбы населяющих ее народов.

Человек также создает свою территорию, изменяет природную реальность и придает ей смысл. То есть «месторазвитие» рождается из взаимного и равного влияния различных видов природной и социально-исторической среды. Таким образом, евразийство придавало свое особое значение этому явно географическому детерминизму и концентрировалось на идее взаимодействия культуры с природой.

Помимо соответствия между обществом и территорией существует также соответствие между естественными и гуманитарными науками. Гуманитарные науки должны заниматься осмыслением географического пространства изучаемых ими областей и эта подчинительная связь образует новую науку толковательного характера — геософию. Данный термин, использовавшийся главным образом Н.С. Трубецким, представлял собой не только один из элементов евразийского учения, он легитимировал и придавал смысл всей идеологии евразийства. Это результат концептуализации двух принципов — принципа месторазвития и принципа единства в закономерности, объяснимости территорий. Эта наука доказывает соответствие, существующее между территорией и культурой. Если Евразия

является территориальным воплощением особой русской самобытности, то гео-софия подтверждает идею исторической судьбы, присущей евразийскому пространству. Она предлагает исследовать территорию не как простой предмет изучения для естественных наук, а как находящийся в неразрывной связи с историей, национальным самоопределением, философией истории.

Евразийцы, исходя из постулата о существовании Евразии как географической индивидуальности, ставили перед собой задачу огосударствления этого пространства. Географическое единство требует также практического объединения, философским тенденциям территории должны соответствовать тенденции политические и хозяйственные. Евразийцы разделяли идею геополитиков о том, что противостояние «суша-море» есть противостояние двух политических концепций: морское пространство ассоциировалось с парламентскими демократиями, а континентальное пространство — с авторитарными режимами. Эта двойственность мира появилась в евразийской мысли в виде существования двух моделей империи, теорию которых разрабатывал П.Н. Савицкий, — континентальную и морскую. Континентальная связана прежде всего с политическими отношениями, морская — прежде всего хозяйственная, она нивелирует культуры, над которыми господствует. Геополитическая миссия Евразии, по мнению евразийцев, заключалась в объединении принципов морской и континентальной моделей, поскольку Евразия — мир, направленный не на интеграцию, а на изоляцию и автаркию и остается центром пересечения культур.

Таким образом, наукообразный подход евразийцев к теме территории выстраивался по трем главным направлениям. Во-первых, доказать существование России как единого целого, как географической особенности. Во-вторых, попытаться осмыслить связь между географией и будущим народов, населяющих эту территорию, с помощью гео-софии. В-третьих, сделать вывод о первостепенной роли таких наук, как геополитика и экономика. Евразийцы надеялись подтвердить и практически осуществить структурную целостность Евразии, географические особенности которой во многом предопределили ход исторического развития русского народа: «Ключ к пониманию современности в значительной степени лежит в познании историческом. Этим определяется жизненный интерес изучения как внешней рамки, так и внутренних движущих сил исторического процесса России-Евразии» [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. М.: АСТ, 2003.
2. Вернадский Г.В. Евразия как географическая основа развития русского народа // <http://www.evraz-info.narod.ru/induk.htm>
3. Трубецкой Н.С. Взгляд на Русскую историю не с Запада, а с Востока // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. М.: АСТ, 2003.
4. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // <http://www.evraz-info.narod.ru/induk.htm>
5. Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры // <http://www.evraz-info.narod.ru/induk.htm>
6. Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения // <http://www.evraz-info.narod.ru/induk.htm>
7. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // <http://www.evraz-info.narod.ru/induk.htm>